

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ «СЛОВЕСНОСТИ» И «ЛИТЕРАТУРЫ»

УДК 82.0

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-346-56-69>

Алексей Андреевич САВИНОВ,

ассистент Финансового университета,
аспирант Высшей школы экономики, Москва, Россия,
ORCID ID: 0000-0002-1878-7062, e-mail: alexs92@mail.ru

Аннотация: Статья направлена на описание исторических условий формирования и развития двух центральных филологических понятий – «литература» и «словесность». В первой части статьи исследуются их генезис, формирование и продолжительное сложное взаимодействие. Вторая часть посвящена изложению и генерализации их дальнейшего научного осмысления. Поднимается и рассматривается вопрос о предпочтении теми или иными авторами одного из названных понятий, а также совершается попытка выявить на основании произведенной реконструкции причины исторического замещения одним понятием другого. Понятие «словесность» возникает на русской почве, тогда как «литература» заимствуется из немецкого. В конце XVIII – XIX вв. «литература» постепенно начинает вытеснять «словесность», пока, наконец, не становится доминантным в отечественном филологическом дискурсе, что обусловлено в первую очередь сужением объема понятия: по преимуществу оно стало ассоциироваться с художественной литературой. В советское время оно практически выходит из оборота. Его вторая жизнь начинается с 1990-х гг., однако чаще всего носит лишь «технический» характер. В постсоветских исследованиях обнаруживается тенденция к снятию напряжения, вызванного семантической загруженностью обоих понятий: авторы стремятся либо превратить их в синонимы, либо располагают их согласно родо-видовой иерархии. Однако это не решает проблему, поскольку каждое понятие претендует на роль основного. На проверку оказывается, что предпочтение того или иного слова может говорить о ценностной позиции исследователя, что обнаруживается при аксиологическом подходе к русской классике и культуре. В этом случае основополагающим оказывается то, что понятие «словесность» укоренено в христианской традиции и основывается на её представлении о природе слова.

Ключевые слова: словесность, литература, филология, аксиология, терминология.

Для цитирования: Савинов А. А. Концептуальное и историческое осмысление взаимоотношений «словесности» и «литературы» // Культура и образование: научноинформационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №3 (46). С. 56–69. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-346-56-69>

CONCEPTUAL AND HISTORICAL UNDERSTANDING OF THE RELATIONSHIP BETWEEN «SLOVESNOST'» AND «LITERATURE»

Aleksei A. SAVINOV, Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation; Postgraduate student, HSE University, Moscow, Russia, e-mail: alexs92@mail.ru

Abstract: The article describes historical conditions of formation and development of two central philological concepts – "literature" and "slovesnost'". The first part of the article examines their genesis, formations and complex long-term interactions. The second part is devoted to the presentation and generalization of their further scientific understanding. The question of preference of one of these concepts in the works of different authors is raised and considered in the present research, and there is also an attempt to identify, on the basis of the reconstruction, the reasons for the historical substitution of one concept by another. The concept of "slovesnost'" arises on the Russian soil, while "literature" is borrowed from German. At the end of the XVIII – XIX centuries "literature" gradually began to replace "slovesnost'" until it finally became dominant in the domestic philological discourse, which is primarily due to the narrowing of the scope of the concept: it started to be associated mainly with a fiction. In the Soviet times it practically went out of circulation. The second life of "slovesnost'" began in the 1990s, but usually it was only a "technical" term in its nature. Post-Soviet studies tend to loosen the tension formed by the semantic weight of both concepts: the authors seek either to turn them into synonyms, or to arrange them according to the genus-species hierarchy. However, this does not solve the problem since each concept claims to be the main one. In fact, it turns out that the selection of a most suitable word can speak about the value position of the researcher, which is revealed by the axiological approach to Russian classical literature and culture. In this case it appears to be fundamental that the concept of "slovesnost'" is rooted in the Christian tradition and is based on its idea of the nature of the word.

Keywords: slovesnost', literature, philology, axiology, terminology.

For citation: Savinov A. A. Conceptual and historical understanding of the relationship between «slovesnost'» and «literature». *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 3 (46), pp. 56–69. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-346-56-69>

Для обозначения словесных произведений в филологии существует два конкурирующих понятия: *словесность* и *литература*. Цель данной работы, во-первых, проследить их историческое возникновение, становление и взаимодействие, а во-вторых, описать и систематизировать последующее научное осмысление этих понятий.

Различение понятий *литература* и *словесность* всецело зависит от понимания и определения этих понятий по отдельности. Существует несколько устоявшихся способов демаркации, но, чтобы понять их основание, нужно хотя бы кратко обозреть историю этих понятий. В первую очередь нам необходимо осмыслить историческое содержание термина *словесность*. Во-первых, потому что это понятие аутентичное. Во-вторых, потому что, как мы увидим, оно окажется более сложным для определения. В-третьих, определение понятия *литература* будет долгое время зависеть от определения *словесности*. Только так мы сможем понять и осмыслить тот факт, что собственное слово *словесность* было вытеснено заимствованием *литература*.

Часто считают [см., например, 3; 18], что рождение понятия *словесность* связано главным образом со «Словарем Академии Российской», вышедшем с 1789 по 1794 гг. В его предпоследнем пятом томе (1794) *словесность* фиксируется с двумя значениями: первое – «знание, касающееся до словесных наук» и второе – «способность говорить, выражать» [18, т. V, с. 536]. При этом в третьем томе (1792), охватывающем слова на *л*, понятие *литература* еще не зафиксировано. Однако еще ранее понятие *словесность* используется В. К. Тредиаковским в тексте «О слове, или словесности» (1763), помещенной в «Предуведомлении» к 7 т. переведенной им «Римской истории» Шарля Роллена. А позже А. С. Никольским – в книге «Основания российской словесности» (1792), где словесность «(дар слова) есть способность выражать мысли словами». Во втором, переработанном и дополненном, издании (1806–1822) «Словаря Академии Российской» у *словесности* уже отсутствует второе значение (также в нем все еще отсутствует слово *литература*). Тем не менее это значение сохраняется и развивается какое-то время в первой трети XIX в.: «природная способность человека изъяснять мысли и чувствования голосом» (Я. В. Толмачев, 1815 г.) [2, с. 290], «дар слова, которым Творец наградил свое любимое создание – человека» (Н. Ф. Кошанский, 1829 г.) [2, с. 302].

Постепенно *словесность* начинает пониматься как наука. Неверно считают, что именно А. С. Никольский начинает мыслить *словесность* как науку в своих «Основаниях». [3; 17, с. 73]. Он пишет, что именно *учение о словесности* (то есть «правила, которые показывают, как употреблять сию способность») состоит из двух наук: «из грамматики, научающей правильному употреблению слов, и риторики, показывающей способ, как располагать и изъяснять мысли» [2, с. 233]. Иными словами, речь идет о методе, в то время как сама *словесность* продолжает пониматься как *способность* словесного выражения и остается предметом вышеназванных наук.

В 1804 году в Московском университете возникает отделение словесных наук, это означает, что *словесность* получает статус науки и начинает оформляться в качестве стройной последовательной теории в университетских курсах, учебниках и академических публикациях. Дадим краткую экспозицию этого раннего этапа институализации словесности. С 1812 года профессор А. Ф. Мерзляков (1778–1830), один из самых видных членов Общества любителей российской словесности (действовавшего с 1811 года), читает публичный курс словесности, в 1812 году публикует статью «Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии», а позже в качестве руководства для студентов издает «Краткое начертание теории изящной словесности» (1822). После смерти Алексея Федоровича в 1831 кафедру занял И. И. Давыдов (1794–1863). В 1932 году издается его «Система словесности», в 1836 году на одном из университетских собраний он произносит речь под названием «О содействии Московского

университета успехам отечественной словесности», а в 37–38 гг. из-под его пера выходит «Чтение по словесности». Стоит также упомянуть профессора С. П. Шевырева (1806–1864), чья деятельность тоже осуществлялась в рамках Московского университета. Помимо читаемого им курса по истории русской словесности, изданного под названием «История русской словесности, преимущественно древней» в четырех томах в 1846–1860 гг., назовем такие его работы как «Словесность и торговля» (1935), «Общее обозрение русской словесности» (1937), «Обозрение русской словесности в XIII в.» (1854). Начинает складываться школа, традиция. Отметим лишь Ф. И. Буслаева, ученика Давыдова и Шевырева и его значительный труд «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» в двух томах (1861).

Параллельно с этим в течение 1820–1830 гг. в школьные программы постепенно начинают входить курсы по теории словесности [20, с. 73]. Продолжается становление дисциплины и в пространстве университета, это хорошо видно из динамики её институализации: «в 1835 г. структура университета вновь изменяется, и словесность оказывается на историко-филологическом (здесь и далее курсив наш – С. А.) отделении философского факультета, а кафедра красноречия преобразуется в кафедру российской словесности и истории русской литературы (наряду с кафедрами словесности греческой, римской и восточной)» [23, с. 118]. Но уже в 1850 г. историко-филологическое отделение становится самостоятельным факультетом, просуществовавшим вплоть до прихода к власти большевиков [23, с. 118]. Конкуренция с понятием *филология* по линии значения *науки* стала, вероятно, одной из причин выхода из употребления понятия *словесность*. Однако нас интересует соперничество с понятием *литература*.

В это же время помимо значений в качестве *дисциплины* и *науки* у понятия *словесность* формируется другое семантическое поле, охватывающее всю совокупность словесных (как устных, так и письменных) произведений, «поэтому в русских частных риториках существует тенденция классифицировать и описать все существующие роды и виды словесности. Первые попытки предпринимаются А. Ф. Мерзляковым в «Краткой риторике» 1804 г., когда в состав изучаемых видов словесности входили: 1) письма; 2) разговоры, или диалоги (письменные, литературные); 3) исторические сочинения (биографии, повествования, описания, истинная и вымышленная история – «романы»); 4) учебные сочинения, включавшие научные рассуждения и учебники; 5) ораторское красноречие (речи политические, судебные, торжественные, духовные, академические)» [3].

Другой не менее авторитетный для того времени «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук» (1847 г.) приводит два совершенно иных значения *словесности*, нежели те, что мы видели в словаре конца XVIII в.: первое –

«Полный объем словесных наук» и другое – «Все словесные произведения какогонибудь народа, совокупно взятая; литература» [19, т. IV, с. 148]. Как видим, здесь уже зафиксировано слово *литература*, которое фигурирует в качестве одного из значений *словесности*. Сама *литература* в этом словаре определяется как «Тоже, что словесность» [19, т. II, с. 256].

Из всего этого видно, что понятие *словесность* на протяжении всего XIX в. проходит сложный путь дифференциации. Помимо этого, «к середине века начинает просматриваться тенденция переосмысления понятия словесности, его сужения и “перетягивания” в сторону литературы, точнее говоря, изящной словесности» [23, с. 118]. Эта тенденция находит своё полное воплощение уже у П. В. Смирновского (1846–1904). В своей статье, посвященной труду П. А. Смирновского, Ся Линь указывает, что в нем «не получили всестороннего описания те виды текстов, которые их предшественниками как раз описывались» [20, с. 75]. Учение о словесности у него ограничивается исключительно изящной словесностью (литературой).

Позволим себе пространную цитату из статьи Ся Линь, на наш взгляд, дающую точную оценку этой трансформации *словесности*: «Предшественники П. А. Смирновского писали, что *словесность* значительно шире *литературы* (в этой цитате курсив авторский – *Ся Линь*), поскольку отражает “все произведения слова”, в то время как литература – лишь то, что “выражено литерой”. И хотя “выраженное литерой”, то есть литература, есть высшее достижение слова, употреблять термин *словесность* лишь применительно к художественной литературе – значит существенно ограничивать одно из главных понятий филологической науки. В понятие *словесность* входили лучшие отечественные произведения всех видов слова: и фольклор, и письма, и документы, и разные виды прозы (не только художественная литература, но и научная по разным специальностям, и публицистическая), а сегодня входят также разнообразные устно-письменные тексты массовой коммуникации и Интернета. Художественная литература в таком перечне является всего лишь одним из видов словесности, хотя именно она стала “для русской словесной культуры основным и наиболее ценным видом речи”» [20, с. 73].

С точки зрения зрения Ся Линь, подобные изменения и трансформации связаны с «принципиально иной философией словесности, которая с середины XIX в. стала главенствовать в России». [20, с. 75]. Что же это за «иная философия»? Речь, безусловно, идет о возникновении в Новое время идеологии индивидуализма, или представления об уникальной личности, в философии выраженной в появлении фигуры Субъекта, а в сфере словесного творчества – фигуры Автора и коррелятивного ему понятия Стиля. Именно в тот момент, когда эта тенденция достигает своего апофеоза (в романтизме) и начинает проникать и в теоретический дискурс, сло-

весность вытесняется литературой. Таким образом, особый интерес для нас представляет именно дальнейшая история отношений этих понятий, когда оба понятия утвердились в русском языке и обзавелись непростой историей тождества, различия и взаимоисключения.

Ярким примером такой «иной философии словесности» является «формальная школа», в чьих работах *литература* закрепляется в качестве универсального понятия. Термин *словесность* же практически не используется. Это вполне логично, потому что словесность в своём широком значении оказывается противоположной пониманию *литературы*, которое мы обнаруживаем у русских формалистов. Стремясь специфицировать, то есть сделать самостоятельной научной областью литературоведение, науку о литературе (а точнее о *литературности*), формалисты вынуждены были определить и «специфические свойства литературных произведений», т. е. «предметом литературной науки как таковой должно быть исследование специфических особенностей литературного материала, отличающих его от всякого другого, хотя бы материал этот своими вторичными, косвенными чертами давал повод и право пользоваться им как подсобным и в других науках» [24, II]. Отсюда видно, что понятие *литературы* у формалистов в определенном смысле может быть понято в качестве способа рассмотрения тех или иных словесных произведений. Р. Якобсон писал: «предметом науки о литературе является не литература, а литературность, то есть то, что делает данное произведение литературным произведением» [цит. по 24, II]. «Становилось ясно, что понятие формы постепенно начинало совпадать для нас с понятием литературы как таковой – с понятием литературного факта» [23, IV].

В самой первой отечественной энциклопедии, посвященной литературным понятиям, двухтомном издании «Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов» Ю. Айхенвальд в сравнительной статье «Литература и словесность» в качестве основного тезиса высказывает мнение о неразличении понятий словесности и литературы и практически полной их взаимозаменяемости: «почти всегда можно *одинаково употребляют* тот и другой» [9]. Однако в случае необходимости различения за понятием литературы закрепляется корпус *письменных* произведений, а за понятием словесность, соответственно, *устных*. Айхенвальд обосновывает такое разделение со ссылкой на этимологию. Понятие «литературы» происходит от латинского слова *litera*, «буква», «письмо», «надписание», из чего можно заключить, что «литература – словесное творчество, запечатленное, закрепленное в письме» [9]. Словесность – творчество, осуществляемое устно и передаваемое «из уст в уста».

Вытеснение понятия «словесность» понятием «литература» объяснимо также и возникновением понятия *автора*, тем, что субъектом творчества, когда речь идет о литературе, выступает не *народ*, а отдельный индивид.

Таким образом, литература – это личное, индивидуальное творчество, а словесность – коллективное.

По Айхенвальду, словесность шире литературы, но оба объемлются понятием «слова». Оба понятия могут обозначать весь корпус произведений, но, как уже отмечалось, в первом случае *устных*, во втором – *письменных*. Однако в строгом смысле словесность и литература характеризуются как спецификация слова по критерию *художественности* (они образны, картинны, звучны). Они есть искусство, это творческое слово. Следовательно, в курс по истории литературы может попасть «Слово о полку Игореве», но не «Поучение Владимира Мономаха». Последнее произведение – не литература.

Аналогичные тенденции фиксируются и в «Литературной энциклопедии» (1929–1939) в статье «Словесность» (Т. X, 1937): понятие словесности определяется как «*устаревший*, ныне редко употребляемый термин, означавший объект науки о лит-ре», содержание которого «было довольно расплывчато и неустойчиво» [12]. В широком смысле – «совокупность всех произведений человеческого творчества, выраженных в слове» [12]. В этом определении понятия *литература* и *словесность* совпадают по объему, различие состоит лишь в том, что *словесность* – термин устаревший. В марксистском литературоведении понятие *словесность* было вытеснено другими терминами, в том числе понятием *литература*, а также такими, как *устная поэзия*, *фольклор*. Однако далее в этой же статье помимо тенденции отождествления и замещения названы еще две. Согласно первой, под словесностью «разумели лишь *художественное* словесное творчество в отличие от иных его видов (научного и пр.). В другом случае словесность «отличали от лит-ры, как *устное* поэтическое творчество от *письменного* и т. д.».

В этой же энциклопедии в статье «Литература» (Т. VI, 1932) дается марксистский взгляд на литературу. Нусинов приводит цитату А. Н. Веселовского: «История литературы в широком смысле этого слова – это история общественной мысли, насколько она выразилась в движении философском, религиозном и поэтическом и закреплена словом», – и затем настаивает, что марксистское литературоведение не может согласиться с таким пониманием литературы, поскольку оно мыслит литературу лишь как часть общественной мысли, следовательно, литература не может её исчерпать. Литература – лишь одна из идеологических надстроек, имеющая свои особенности и специфические черты, отличающие её от иных форм идеологии. Как и любая иная форма идеологии, выражающая классовое сознание, литература имеет целью классовое самоутверждение, поэтому её генезис и социальная функция будут совпадать с таковыми у иных форм идеологии. Её своеобразие не может быть сведено к её материалу – слову, поскольку в слове выражаются и иные формы идеологии. Таким

образом, решающим качеством оказывается *художественность*, то есть *образный характер* слова. «В Л. в этом понимании термина [то есть литературу как художественную литературу] так. обр. не входят общие словесные или письменные и печатные памятники общей культуры, социальной жизни, философии, науки, экономики, политики, законодательства и т. д.» [12].

С другой стороны, Нусинов рассматривает литературу как зонтичный термин, который «не покрывается и терминами «словесность», «поэзия», «беллетристика», с которыми термин «Л.» иногда отождествлялся, поскольку все эти понятия – «поэзия», «беллетристика», «словесность» – обозначают собою лишь определенные части л[итературы]» [12]. Словесность, таким образом, определяется как «памятники большей частью *анонимной*, долгое время *передававшейся устно* литературы», то есть существенными чертами оказываются *устный* характер и *анонимность* произведений словесности. Обе эти черты связаны с коллективной природой субъекта творчества. В этом смысле понятие словесности было вытеснено понятием *фольклор*.

Таким образом, мы можем выделить определенные способы понимания соотношения двух понятий. Словесность и литература хотя и могут в широком смысле обозначать весь корпус произведений, но всё же в узком смысле включают в себя лишь *художественное* слово. Далее разделение пролегал по способу бытования и трансляции произведений: в случае словесности – *устная* форма, в случае литературы – *письменная*. Как следствие, словесность связывается с *коллективным авторством*, а значит, и с *анонимностью*, на что указывает лишь Нусинов. А литература – с личностью, с индивидуальным именем. В рамках отождествления понятий признаком, различающим понятия, является *устаревшее*. Другой способ отношений – отношения общего и частного, причем, как мы видели, не всегда словесность оказывается более широким понятием.

За последние годы вышло достаточное большое количество публикаций, посвященных и истории понятия *словесность*, и его различным способам классификации видов и родов словесности, понятие *словесность* попадет в название учебных курсов, учебных пособий и монографий, посвященных русской литературе. Термин *литература*, вытеснивший в XX веке термин *словесность*, предпочитался и использовался довольно долго. Примечательно, что даже выходившая в 1978–1989 гг. серия «Памятники литературы Древней Руси» [14] под редакцией Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева, хотя и содержала в себе произведения древности, и не только художественные, всё же в названии содержала именно понятие *литература*. Постепенно разные авторы начинают возвращаться к понятию *словесность*. Например, «Категория соборности в русской литературе» 1995 г. [7] Ивана Есаулова, хотя и включает в свой состав главу о «Слове

о полку Игоре́ве», тем не менее, также относит его к литературе. Но уже следующая книга – «Пасхальность русской словесности» [8], а также недавний его курс на радио «Радонеж» «Беседы о русской словесности» [6], где рассматриваются и «Слово о законе и благодати», и «Слово о полку Игоре́ве», в названии имеют понятие *словесность*. Но возвращается *словесность* по-разному.

Важным автором, возрождающим понятие *словесности* и научно-концептуально разрабатывающим его, является Ю. В. Рождественский. Его концептуализация *словесности* выглядит следующим образом: «Языковая деятельность состоит из высказываний. Отдельное высказывание в филологии называется произведением словесности, а вся совокупность произведений словесности – словесностью. Словесность, или языковые тексты, – предмет филологии. Задачей филологии является, прежде всего, отделение произведений словесности, имеющих культурное значение, от таких, которые его не имеют. Для решения этой задачи необходимо сначала обозреть весь массив произведений словесности. Это можно сделать только путем классификации этих произведений» [15, с. 67].

В других местах автор конкретизирует значение понятия «произведение словесности»: это «отдельное законченное высказывание», то есть такое, в котором «замысел автора полностью выражен доступными ему средствами и принят адресатами речевой коммуникации» [17, с. 333]; оно обязательно кем-то целенаправленно создается путем соединения мысли с материалом речи, труд создания высказывания «совершается как реализация определенного замысла с помощью орудий речи, приложенных к материалам речи» [16, с. 20]. Рождественский проговаривает различие понятий *словесность* и *литература*. Первое понятие шире и означает всю совокупность палеографических текстов, состоящих из документов, эпистол и сочинений. В то время как литература – «сочинения, взятые в упорядоченном состоянии» [16, с. 140]. Существенными качествами *сочинений*, выведенными из основных принципов обращения с палеографическими текстами и отличающими их от *документов* и *эпистол*, является необязательность получения, необязательность прочтения и репродуцируемость. Таким образом, можно сказать, что интересующие нас понятия Рождественским рассматриваются исключительно как *технические*.

Как мы сказали, появляются даже школьные учебники, посвященные *русской словесности*. Словесность возвращается не только в научное пространство, но и в образовательное – в школы. Был разработан комплекс учебных пособий для 5–11 классов. Автором пособий с 5-го по 9-й класс стала Р. И. Альбеткова, а учебника для 10-го и 11-го классов – А. И. Горшков.

Так, в учебнике для 7-го класса «Русская словесность: от слова к словесности» Р. И. Альбеткова даёт три определения словесности: «Во-первых,

это словесное творчество. Это искусство рисовать словом картины и изображать людей, рассказывать об их поступках и переживаниях, выражать словом мысли и чувства. Кроме того, словесность – это произведения искусства слова: устное народное творчество и книжность, письменная *литература*. И наконец, словесность – обобщенное название всех наук о языке и литературе – это грамматика и лексикология, история и теория литературы, стилистика и риторика и другие науки» [1, с. 9-10].

В учебнике для 10-го и 11-го классов А. И. Горшкова: «словесность – словесное искусство», «это и вся совокупность произведений народного и книжного русского словесного искусства с древнейших времен до наших дней, и наука, изучающая эти произведения» [5, с. 3]. Определяя словесность, Горшков, по сути, повторяет определения Альбетковой, но на более детальном и научном уровне. Сперва он ссылается на И. М. Белоруссова, автора широко распространённого в XIX – начале XX в. учебника: во-первых, «словесность – искусство изображать посредством слова всевозможные предметы и явления и всевозможные душевные состояния. Словесность есть самый высший род искусства, в известной степени совмещающий в себе свойства всех остальных искусств», таким образом, «Словесность прежде всего можно определить как словесное творчество, словесное искусство». «Далее словесность выступает как все, что составлено, создано из слов, как совокупность всех словесных произведений какого-либо народа – книжных (литература) и устных народных (фольклор)». И «наконец, словесность – это словесные науки, «все, что относится к изучению здравого суждения, правильного и изящного выражения» (В. И. Даль). Словесность как наука (или совокупность наук) – учебная дисциплина и предмет школьного преподавания – может пониматься с различной степенью широты. В широком смысле *словесность* – филологические науки в их современном составе, объеме и соотношении (лингвистика, стилистика, литературоведение и др.). В более узком смысле *словесность* можно соотнести с филологией в том виде, в каком она пребывала до резкого разграничения и даже противопоставления языкознания и литературоведения» [5, с. 11].

В данных определениях *литература* относится к словесности как часть к целому, специфика этой части – её письменный, книжный характер. И в этих случаях *словесность* остается по сути техническим термином, по крайней мере, эти случаи не позволяют понять смысл возвращения понятия *словесность* и необходимость использования его вместо уже привычного понятия *литература*. С этой перспективы куда более интересной, скажем, идейной, или смысловой, взгляд на *словесность*.

Например, профессор Александр Ужанков, специалист по древнерусской литературе, разграничивает *словесность* и *литературу* на основа-

нии этимологии этих понятий, но с этимологией для него связаны и некоторые культурообразующие идеи.

В основе понятия *словесность* лежит христианское представление о второй Ипостаси Св. Троицы – Иисусе Христе, воплощенном Слове. Именно поэтому, по мнению Ужанкова, «вся древнерусская письменность, а точнее, то, что выходило из-под пера древнерусских книжников – оно называлось словесностью. И эта традиция сохранилась и уже в Новое время, то есть уже в XVIII и XIX веке». Таким образом, «древнерусская словесность, несомненно, это – богооткровенные творения», и «древнерусские авторы полагали, что все, что они фиксируют на письме сакральным церковнославянским языком – это Богооткровение». Отсюда проистекает и анонимность многих произведений: авторы просто не дерзали поставить своё имя на то, что им отрылось свыше, на книги, писавшиеся по благословию и по благодати. С понятием *литература* Ужанков связывает *сочинительство*, в основании которого лежат *вымысел*, *типизация* и *обобщение*. Хотя еще и в Российской Империи «приоритет отдавался слову, но не художественности, а именно слову как несущему некое содержание. А произведение – как несущее какую-то идею – это непременно было» [22]. Превращение *словесности* в *литературу* совершается советским литературоведением: важным становится не столько содержание, сколько сочинительство, вымысел, форма, художественные особенности, поэтика.

Жанр «Слова» занимал на Руси огромное место, достаточно вспомнить тот факт, что первым оригинальным памятником русской словесности является «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Безусловно, особое отношение к *слову* и, как следствие, к *словесности* в христианской традиции основывалось на евангельских словах: «Въ началѣ бѣ слово, и слово бѣ къ Бóгу, и Бóгъ бѣ слово. Сѣй бѣ исконї къ Бóгу» и «И слово плóть бѣсть» – слова из начала Евангелия от Иоанна. Именно этот смысловой фрагмент (зачало) составляет евангельское чтение на Пасху [8, с. 7–13]. Помимо этого, представление о *слове* связывалось со Святым Писанием, – христианство – религия Книги, – со славянской письменностью, созданной специально для перевода богослужебных текстов с греческого, – отношение к *словесности* не могло не быть особенным [13, с. 19–23].

Схожим образом, а именно как к двум формам «духовных устремлений», двум «типам художественного сознания» [13, с. 18–19] к понятиям *литература* и *словесность* относится Моторин. Он обращает внимание, что тенденции взаимоотношения интересующих нас понятий таковы, что авторы либо пытаются примирить эти понятия, либо бесконфликтно развести, либо поставить в отношения общего и частного. Обычно в таком случае словесность оказывается совокупностью всех словесных памятников, как

устных, так и письменных, за литературой же закрепляются письменные произведения. Несмотря на этот, вроде бы, интуитивно понятный способ определения отношений, напряжение между понятиями сохраняется даже в случае признания их полной синонимичности. Создается такая ситуация, что каждый автор должен отдать предпочтение одному или другому. На проверку оказывается, что каждое понятие тяготеет к тому, чтобы получить приоритет, означать собой всё филологическое пространство, и дело не только в формальном соотношении типов дискурсов. Как показывает Моторин, часто речь идет о каком-то идейном предпочтении. Вплоть до того, что те, кто предпочитают термин *литература*, измышляют весьма комичные гибриды наподобие «устная литература» (например, у Б. В. Томашевского) [20]. Бывают и обратные смещения, такие как «письменная словесность», «устная словесность». Едва ли все они хоть сколько-нибудь жизнеспособны и хоть сколько-нибудь помогают решить вопрос. Интересно мнение Моторина относительно мотива подобного предпочтения: «Во времена преобладающего стремления к возрождению основ исконно русского мировосприятия у нас усиливается и распространяется понятие словесности. Напротив, в эпохи, когда преобладает западническая направленность духовных устремлений, берет верх понятие литературы» [13, с. 2–3].

Эта идея вполне коррелирует с тем наблюдением, что понятие *словесность* в XVIII в. возникает в контексте стараний возродить и развить собственную традицию художественного слова. Так Шмелева пишет: «прилагались огромные усилия, направленные на формирование общественно-языковой практики на национальном языке, системы языкового образования и словесных наук» [23, с. 115]. В свою очередь И. Есаулов процесс перехода от *словесности* к *литературе* описывает следующим образом: «*Литература* («изысканная словесность») русского XVIII века воспринималась не только читателями этого времени, но и позднейшей филологической наукой преимущественно как абсолютно иная, сравнительно с прежней отечественной *словесностью* (православной по своему культурному происхождению и эксплицировавшей сугубо православные же ментальные установки)» [9, с. 34]. Эту *инаковость* и даже *чуждость* словесности мы уже видели в ходе нашего анализа.

Подытожить линию возрождения *словесности* и её предпочтения перед *литературой* хотелось бы емкими словами В. Н. Захарова из статьи «Русская литература и христианство». Несмотря на то, что в названии и фигурирует *литература*, автор отдает однозначное предпочтение *словесности*: «“Литература” – пожалуй, наименее удачное слово для определения той сферы духовной деятельности, которая в русской культуре названа этим словом. <...> Из всех слов лучше всего подходит не *литера* (литература), не *книга* (книжность), а само *слово*, причем *Слово* с большой буквы – его откровение было явлено Крещением Руси, обретением Евангелия, Слова

Христова. На протяжении последних десяти веков у нас была не столько литература, сколько *христианская словесность*» [10, с. 6]. Мы можем подвести итог. Склонность и предпочтение определенной части современных исследователей к понятию *словесность* обусловлено стремлением эксплицировать и реактуализировать аксиологическую основу той области культуры, которую за XX век привыкли называть *литературой*.

Список литературы

1. Альбеткова Р. И. Русская словесность: от слова к словесности. Учеб. для 7 класса общеобразоват. учреждений. Москва : Дрофа, 2000. 304 с.
2. Аннушкин В. И. История русской риторики. Хрестоматия [Текст] : учебное пособие / В. И. Аннушкин. 3-е изд., стереотип. Москва : Флинта, Наука, 2011. 416 с.
3. Аннушкин В. И. Термин «словесность»: классическое толкование и перспективы научно-педагогической дисциплины: URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/46419.php>
4. Аннушкин В. И., Костомаров В. Г. Словесность как научная теория и педагогическая дисциплина [Текст] // Смирновский П. Г. История русской словесности. Теория словесности. Санкт-Петербург, 1913. Репринтное издание. Москва : Информедиа Паблшерз, 2009. 157 с.
5. Горшков А. И. Русская словесность: От слова к словесности : Учеб. пособие для учащихся 10-11 классов шк., гимназий и лицеев гуманитар. направленности. Москва : 1995. 492 с.
6. Есаулов И. А. «Беседы о русской словесности» на радио «Радонеж» [Электронный ресурс]. URL: <https://radonezh.ru/rubrika/besedy-o-russkoy-slovesnosti>
7. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского университета, 1995. 287 с.
8. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. Москва : Кругъ, 2004. 560 с.
9. Есаулов И. А. Парафраз и становление новой русской литературы (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск : ПетрГУ, 2019. Т. 17. No 2. С. 30–66.
10. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XIX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 5–11.
11. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. Москва : Изд-во Л. Д. Френкель, 1925.
12. Литературная энциклопедия: В 11 т. Москва : Изд-во Ком. Акад., 1929–1939.

13. *Моторин А. В.* «Словесность» и «литература»: духовные основы русского и западноевропейского отношения к словесному творчеству: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovesnost-i-literatura-duhovnye-osnovy-russkogo-i-zapadnoevropeyskogo-otnosheniya-k-slovesnomu-tvorchestvu>
14. Памятники литературы Древней Руси в 12 т. Москва : Издательство «Художественная литература», 1978–1994.
15. *Рождественский Ю. В.* Лекции по общему языкознанию. Москва : Высшая школа, 1990. 381 с.
16. *Рождественский Ю. В.* Общая филология [Текст] / Ю. В. Рождественский. Москва : Фонд «Новое тысячелетие», 1996. 325 с.
17. *Рождественский Ю. В.* Теория риторики. Москва : Флинта, 2003. 544 с.
18. Словарь Академии Российской в 6 ч. Санкт-Петербург: При Императорской Академии наук, 1789–1794.
19. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. Санкт-Петербург : Тип. Императ. Акад. Наук, 1847. 4 т.
20. *Ся Линь.* Термин *словесность* в дореволюционной русской филологической традиции (на материале учебника «Теория словесности» П. В. Смирновского 1913 года) // Верхневолжский филологический вестник, 2019. No 1 (16). С. 72–78.
21. *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика : Учеб. пособие. Москва : Аспект Пресс, 1996 (1999). 334 с.
22. *Ужанков А. Н.* Древнерусская книга – беседа Бога с человеком. Беседы о русской литературе: URL: <http://www.pravoslavie.ru/77689.html>
23. *Шмелева Т. В.* Традиции университетской словесности // Вестник Новгородского государственного университета, 2003. № 25. С. 115–121.
24. *Эйхенбаум Б. М.* Теория формального метода: URL: <http://transformations.russian-literature.com/eichenbaum-teorija-formalnogo-metoda>